

DOI: 10.24411/2470-1262-2020-10088

УДК (UDC) 821.161.1
Vera D. Serafimova,
Moscow Pedagogical State University,
Moscow, Russia
Серафимова Вера Д.,
Московский пед.государственный университет,
Москва, Россия

For citation: Serafimova Vera D., (2020).
Leo Tolstoy and Andrey Platonov. Russia at the Turn of Eras.
The Poetics of Prose. Motifs. Dominant Ideas, Comparison.
Cross-Cultural Studies: Education and Science.
Vol.5, Issue 3 (2020), pp. 15-31 (in USA)

Manuscript received 10/08/2020
Accepted for publication: 28/09/2020
The author have read and approved the final manuscript.
CC BY 4.0

**LEO TOLSTOY AND ANDREY PLATONOV. RUSSIA AT THE TURN OF
ERAS: THE POETICS OF PROSE, MOTIFS, DOMINANT IDEAS,
COMPARISON**

*You cannot grasp Russia with your mind...
You can only believe in her
Fyodor Tyutchev, 28. 11.1868*

**ЛЕВ ТОЛСТОЙ И АНДРЕЙ ПЛАТОНОВ. РОССИЯ НА ПЕРЕЛОМЕ ЭПОХ:
ПОЭТИКА, МОТИВЫ, ОСНОВНЫЕ ИДЕИ, СОПОСТАВЛЕНИЕ**

*Умом Россию не понять...
В Россию можно только верить.
Федор Тютчев, 28.11.1868.*

Abstract:

The article draws a parallel between the two most prominent writers of the end of the 19th and the first half of the 20th century – Leo Tolstoy and Andrey Platonov. Analyzing the prose, diaries, historical documents, letters and memories, the author of the article highlights the writers' attitude towards the Revolution of 1905, the Civil War, wars and violence, social disruptions, mercy and compassion, memory, children. Their typological similarities are identified, that is the things that bring the writers together in establishing and resolving existentialist questions of life.

Keywords: Russian revolution of 1905, Civil War, Great Patriotic War, participation in battles, necessity of self-improvement, spiritual life, concept of childhood, condemnation of war, attitude to children

Аннотация:

В статье проводится параллель между двумя самыми значительными писателями конца XIX – первой половины XX века Л.Н.Толстым и А.П.Платоновым. На основе анализа прозы, дневниковых записей, исторических материалов, писем, воспоминаний рассматривается их отношение к революции 1905 г., к гражданской войне, к войнам и насилию, к социальным потрясениям, к милосердию и состраданию, к памяти, к детям. Выявляются типологические сходства, то общее, что объединяет писателей в постановке и решении экзистенциальных вопросов бытия человека.

Ключевые слова: Революция 1905 г. в России, Гражданская война, Великая Отечественная война, участие в сражениях, необходимость самоусовершенствования, духовная жизнь, концепт детства, осуждение войны, отношение к детям

Озабоченность онтологическими проблемами бытия человека, жизни и смерти, раздумья о взаимоотношениях человека с окружающими его людьми на началах понимания, справедливости и братства – это то общее, что присуще художественному творчеству, публицистике, дневникам двух самых ярких, значительных писателей XIX и XX веков Льва Николаевича Толстого (9 сентября 1828 –20 ноября 1910) и Андрея Платоновича Платонова (28 августа 1899– 5 января 1961]на всем протяжении их творческого пути. Художественное восприятие реалий жизни, отраженное в поэтике прозы, в дневниках, письмах, публицистике, становилось особенно острым в переломные моменты истории России, социальных потрясений, революций, войн. Оба писателя «испытывают» своих героев их поступками, отношением к детям, старикам, к нравственной категории памяти, к смерти. Все это стало предметом нашего исследования в данной работе.

Дневники писателей, которые они вели в течение многих лет, перекликаются между собой рассуждениями социально-нравственного характера, осмыслением событий, явлений, происходящих в стране и мире, напряженностью ищущей мысли при анализе «диалектики чувств» человека. Лев Николаевич Толстой жил в эпоху демократических веяний 60-х годов, отмены крепостного права в России, участвовал в военных действиях на Кавказе и в Крыму, был участником обороны Севастополя, свидетелем революции 1905 г. В письме «дорогой тетеньке» Т.А. Ергольской Толстой отзывается о Севастопольском сражении 4 августа 1855 г. как как об «ужасном дне» «Сегодня, 4 числа, было большое сражение, я там был <...> Я жив и здоров, но в душевном отношении никогда себя хуже не чувствовал, сражение было проиграно. Ужасный день: лучшие наши генералы и офицеры почти все ранены или убиты. Думаю, что надолго мы теперь ничего предпринимать не будем...» [7. Л. Толстой Письма. Т.А. Ергольской (перевод с французского)1855 г. Августа 4. Севастополь Собр. соч. в 22 т. Т.17. 911 с.; С. 396. Публицистические произведения 1886-1908 с.396]. Л.Н. Толстой – непосредственный участник, очевидец изображаемых им событий – с горечью пишет о

поражении русского оружия и о силе духа защитников города и в письмах, и в рассказах «Севастополь в августе 1855», в рассказе «Севастополь в декабре месяце», в письмах. «Я плакал, когда увидел город объятый пламенем и французские знамена на наших бастионах; и вообще во многих отношениях этот день был очень печальный» [7. Л. Толстой. Публицистические произведения. В 22 т. Т. 17, с. 398].

В основу рассказа «Севастополь в августе 1855 года» (27 декабря. Петербург). положена судьба двух братьев Михаила и Владимира Козельцовых, ставших, как и сам автор, участниками большого исторического события, решающего судьбу России. С застенчивой улыбкой семнадцатилетний Владимир, выпускник военного училища, прямо из корпуса уехавший в Севастополь, объясняет старшему брату, поручику Михаилу, почему он вызвался на передовую: «Я желал поскорее в Севастополь. Главное, я затем просился, что все-таки совестно жить в Петербурге, когда тут умирают за отечество. Да и с тобой мне хотелось быть». [19. Толстой Л.Н. Севастополь в августе 1855 года. С. 158]; (в цитатах из Толстого курсив наш – В.С.).

Хочется отметить, что уже в этом раннем рассказе молодой Лев Толстой показал себя замечательным стилистом, мастером психологического портрета в описании совсем юного участника обороны Севастополя, почти мальчика, который затем проявится в образе Пети Ростова в романе «Война и мир»: «Козельцов-второй, Владимир, был очень похож на брата Михайлу, но похож так, как похож распускающийся розан на отцветший шиповник. Волосы у него были те же русые, но густые и вьющиеся на висках. На белом нежном затылке у него была русая косичка – признак счастья, как говорят нянюшки. По нежному белому цвету кожи лица не стоял, а вспыхивал, выдавая все движения души, полнокровный молодой румянец... Стройный, широкоплечий, в расстегнутой шинели, из-под которой виднелась красная рубашка с косым воротом, с папироской в руках, облокотившись на перила крыльца, с наивной радостью в лице и жесте, как от стоял перед братом, это был такой приятно-хорошенький мальчик, что все бы так и смотрел на него. Он был чрезвычайно рад брату, с уважением и гордостью смотрел на него, воображая его героем». [Толстой Л.Н. Севастополь в августе 1855 года. Собр. соч. В 22 т. Т. 2, с. 202, 203].

В день штурма под Севастополем погибнут оба брата. Козельцов-старший будет смертельно ранен, его положат на носилки, и он успеет подумать, что «он <...> ни в чем не может упрекнуть себя». Он спросит священника, подошедшего к нему с крестом:

«– Что я умру? <...> Что, выбиты французы везде?

– Везде победа за нами осталась, – отвечал священник, <...> скрывая от раненого, чтобы не огорчить его, то, что на Малаховом кургане уже развевалось французское знамя...». [Толстой Л.Н. Севастополь в август 1855 года. Собр. соч. в 22 т. Т. 2. с. 158, 159]. Авторскую точку зрения, совпадающую с народной, с верой самих солдат в конечную победу, выскажут сами защитники, оборонявшие Севастополь:

«– Разве он тут разгуляется? Как же! Гляди, наши опять отберут. <...> Разве наши так оставят ему? Уж сколько нашего брата ни пропало, а, как бог свят, велит император – и наши

отберут. Разве наши так оставят ему? <...> Погоди, еще расчет будет с тобой настоящий – дай срок, заключил он, обращаясь к французам. – Известно, будет! – сказал другой с убеждением». [Толстой Л.Н. Севастополь в августе 1855 года, с. 206] (выделено нами – В.С.)

Андрей Платонов – свидетель революции 1917 г., участник Гражданской войны, электрификации и проводимой в стране коллективизации. В 20-е гг. он руководил строительством электростанций и плотин, обводнял и осушал землю, активно участвовал в политической жизни, вступая в партию, выходя, снова пытаясь вступить. Как и у Льва Толстого, у него было дело жизни, но страсть – к размышлению и сочинительству. Именно в это время Платонов замечен как поэт. В 1923 г. Валерий Брюсов обращает внимание «...на богатую фантазию, смелый язык и свой подход к темам в книге стихов А.Платонова *«Голубая глубина»* (1922). «В своей первой книге А.Платонов – настоящий поэт, еще неопытный, но уже своеобразный. [5.Брюсов В. Среди книг. Печать и революция, 1923, №6]. К этому времени у Андрея Платонова складывается и свое представление о целях и задачах новой литературы, что он и декларирует в литературно-критических статьях этого времени. В годы Великой Отечественной войны Платонов был военным корреспондентом, спецкором газеты «Красная звезда», прошел через суровые испытания войны: Курскую дугу, Белорусский фронт, наступление на Украине и в своем родном Воронеже. Четыре книги писателя, вышедшие во время войны, – «Одухотворенные люди», «Рассказы о Родине», «Броня», «В сторону заката солнца» – внесли серьезный вклад в художественное освоение темы войны, патриотизма, антифашистской борьбы. Но главное, автор давал читателю дополнительные силы для сопротивления, абсолютную уверенность в победе. Авторы воспоминаний об Андрее Платонове, в прошлом также военные корреспонденты, рассказывают, что Платонов старался как можно чаще быть рядом с бойцами и в сражениях, и в быту, любил беседовать с солдатами. (См. об этом подробнее: Серафимова В.Д. Осмысление творческой судьбы А.П. Платонова в воспоминаниях журналистов, военных корреспондентов «Красной звезды», писателей (с 30-х гг. по настоящее время) // Серафимова текст в художественной литературе, публицистике и журналистике: Материалы XIX Шешуковских чтений / Под ред. Л.А. Трубиной. – Москва: МПГУ, 2014. – 372 с. ;С.333-345. ISBN 978-5- 4263-0181—8.

В своих корреспонденциях с фронта Платонов пишет в редакцию газеты «Красная звезда» о мужестве и силе сопротивления советских воинов. Обороне Севастополя в годы Отечественной войны фронтовой корреспондент А.П.Платонов посвятит рассказ «Одухотворенные люди. Рассказ о небольшом сражении под Севастополем». «Под названием «Реквием» рассказ «Одухотворенные люди» упоминается в характеристике А.Платонова от 19 сентября 1942 г., представленной Военной комиссией ССП в ГлавПУРККА (РГАЛИ, Ф.631. Оп. 16. Ед. хр. 449) и в п. 265). Письмо А.Платонова М.А.Платоновой Примечание 2. // Андрей Платонов «... Я прожил жизнь» 1920- 1950 Издание второе , дополненное. М. Издательство АСТ – 718 с. – СМ. 521. 2 сноска к письму М.А.Платоновой). Письма. С. 520) [Рассказ под этим названием был опубликован в журнале «Знамя» в 11-м номере в 1942 г., позже рассказ вошел в авторский сборник «Броня». Будет жизнь, любовь, верность, человеческие сердца моряков, «бывшихся в один лад», «сохраняя жизнь и надежду против смерти». Удивительно поэтично начинается рассказ,

прославляющий естественную человеческую жизнь с ее радостью, грустью, верностью, тоской по любящему и любимому сердцу: «В дальней уральской деревне пели русские девушки. Одна из них пела выше и задушевнее всех. И слезы текли по ее лицу, но она продолжала петь, чтобы не отстать от своих подруг. И чтобы они не заметили ее горя и печали. Она плакала от чувства любви, от памяти по человеку, который был сейчас на войне, ей хотелось увидеть его и утешить вблизи его свое сердце, плачущее в разлуке. [Платонов А. Одухотворенные люди [Рассказ о небольшом сражении под Севастополем] Собр. соч.: В 3 т. М., 1985. Т.3, с. 7-37]. Ее любимый, краснофлотец Иван Красносельский, в эти минуты идет в атаку, вспоминает мать, родившую его. Это она, полюбив своего сына, вместе с жизнью подарила ему тайное свойство хранить себя от смерти, <...> потому что она любила его и готовила его в своем чреве для вечной жизни, так велика была ее любовь» [Платонов А. Собр. соч.: В 3 т. М., 1985. Т.3, с. 7]. Трагедия войны делает трагичной и долю солдат на войне, отнимающей у них жизнь Судьбы героев рассказа – Ивана Цибулько, комиссара Поликарпова, Николая Фильченко, Данила Одинцова, Ивана Красносельского – высветлены у Платонова библейскими мотивами страдания, добровольного принятия смерти за свою землю, за любимых матерей, жен, детей. [Платонов А. Одухотворенные люди [Рассказ о небольшом сражении под Севастополем] Собр. соч.: В 3 т. М., 1985. Т.3, с. 7-37]. Собр. соч.: В 3 т. М., 1985. Т.3. СС. 7-37].

Удивительно поэтично начинается рассказ, прославляющий естественную человеческую жизнь с ее радостью, грустью, верностью, тоской по любящему и любимому сердцу: «В дальней уральской деревне пели русские девушки. Одна из них пела выше и задушевнее всех. И слезы текли по ее лицу, но она продолжала петь, чтобы не отстать от своих подруг. И чтобы они не заметили ее горя и печали. Она плакала от чувства любви, от памяти по человеку, который был сейчас на войне, ей хотелось увидеть его и утешить вблизи его свое сердце, плачущее в разлуке. [1.Платонов А. Одухотворенные люди [Рассказ о небольшом сражении под Севастополем], с. 7].

О подвиге защитников Родины Платонов пишет в письме любимой жене Марии Александровне от 10 августа 1942 г.: «Помнишь – о тех, которые обвязав себя гранатами, бросились под танки врага. Это, по-моему, самый великий эпизод войны, и мне поручено сделать из него достойное памяти этих моряков произведение. Я пишу о них со всей энергией духа, какая только есть во мне. И это произведение, если оно удастся, самого меня хоть отдаленно приблизит к душам погибших героев. Мне кажется, что мне кое-что удастся, потому что мною руководит воодушевление их подвига, и я работаю, обливая слезами рукопись, но это не слезы слабости. Вот чем я занят. Целую тебя. Андрей (*Прписка сбоку листа*). У меня получается нечто вроде Реквиема в прозе Москва С. 520 Впервые: Волга, 1975 С. 175 Печатается по: Архив. С.539. Почтовая карточка. Публикация Е.Антоновой. [2. Андрей Платонов «... я прожил жизнь»: Письма. С.520].

Л.Н.Толстого и А.П.Платонова объединяет нравственная цельность мироощущений, верность своему взгляду в литературе, творческим принципам. Характерная черта творческого почерка писателей – бескомпромиссность в искусстве.

При отправке своих заметок, прозы издателям «Современника» Н.А.Некрасову и И.И.Панаеву, позднее Е.Ф.Коршу (111. Е.Ф.Коршу. 1858 г. Мая 12. Ясная Поляна) Лев Николаевич Толстой настаивает на том, чтобы «не изуродовали», «не прибавили ничего», «*ежели же сверх того, что я отметил, стали бы вымарывать что-нибудь, решительно не печатайте*» [Л.Н. Толстой. Собр. Соч . В 22-х т. Т.17. Письма 1842- 1881. / Коммент. С.Розановой. – М.: Худож. лит., 1984– 291-911] . В корреспонденции редактору «Военных рассказов» Ивану Ивановичу Панаеву проявилась одна из характерных черт творческого принципа Толстого, как он сам отметит – «*оставаться верным всегда одному направлению и взгляду в литературе*». [8.Л.Н. Толстой. Публицистические произведения. Письма. И.И.Панаеву.1855 г. Августа 8. Бахчисарай. Письмо.С. 397]

В 1921 г. Платонов обращается в Москву в Государственное издательство с просьбой опубликовать сборник его рассказов и стихотворений, предупреждая: «Если будете печатать, то *прямо сдавайте в набор как есть*» (в цитатах из Платонова курсив наш – В.С.). И на полях его рукописей часто встречаются пометы: «Прошу оставить как есть», «Прошу считать по моему». (Архив А.П. Платонова Книга 1. Научное издание. – М.: ИМЛИ РАН, 2009. – 696 с., иллюстр. На обложке – автограф А.П. Платонова (РГАЛИ) ISBN 978-5-9208-0341-2

Отношение Толстого к революции 1905 г. однозначно определено в его дневниковой записи от 31 июля 1905 г.: «В такие времена борьбы, как теперь в России, нужно, первое: воздерживаться от того, чтобы помогать той или другой стороне; второе: *отыскивать средства примирения*» [Юб. Т.55, с. 153]. В дни, когда в Москве происходило декабрьское вооруженное восстание, началась всеобщая политическая забастовка и прекратилось движение на Московско-Курской железной дороге, в дневнике Толстого появилась запись: «Такие периоды я еще не привык переносить терпеливо. В Москве продолжаются *ужасы озверения*. Известий нет, поезда не ходят. [Юб Т.55, с. 153]. И в то же время Толстой пытается искать *выход из тупика*, в который «*лжехристианская цивилизация завела христианские народы*. [Юб Т.55, с. 155]. Его, по собственным словам, «не дает ему «жить легко» бедность бедных и равнодушие богатых: «Сидим во дворе, обедаем, 10 кушаний, мороженое, лакеи, серебро, и приходят нищие, и люди добрые продолжают есть мороженое спокойно. Удивительно!!!» [Юб Т.55, с. 155].

В исследования мы часто обращаемся к дневникам писателей, к их воспоминаниям. О роли дневников в своей жизни Л.Н. Толстой пишет часто и в самом дневнике: «Думал о том, что пишу я в дневнике не для себя, а для людей – преимущественно для тех, которые будут жить, когда меня, телесно, не будет, и что в этом нет ничего дурного. Это то, что мне думается, что от меня требуется. Ну, а если сгорят эти дневники? Ну, что ж? они нужны, может быть, для других, а для меня, наверное – не то что нужны, а они –я. Они доставляют мне – благо». [Юб Т.55, с. 209].

Исследователями отмечено, что таким же «благом» были для Платонова его записные книжки, являющиеся «сокровенными его собеседниками».

«Иногда записные книжки обретают у Платонова черты самостоятельного литературного жанра с его подвижностью и полной внутренней свободой (...) Книжки оставались для писателя одним из сокровенных его собеседников, страницам которых он доверял так драгоценные для нас размышления об искусстве, современной и мировой истории, собственной писательской судьбе, интеллигенции и революции (...). По этим книжкам мы прикасаемся к тому языку разговора с самим собой, который Платонов развернул и реализовал как элитарную и одновременно народную концепцию искусства-жизни в XX веке: как идею литературы нового века («беседовать самому с собой – это искусство», «Чевенгур»), что есть по глубинной функциональной связи с народной, «низовой культурой» – то делание «ненужных вещей», которым заняты все любимые персонажи писателя...». [11. Н.В. Корниенко *Предисловие // Платонов А.П. Записные книжки. Материалы к биографии. М., 2006. С. 3-14*]. В 20-е гг. А. Платонов полностью раскрывает свои литературные приоритеты и эстетические предпочтения не только в литературно-критических статьях, но и в главных художественных произведениях, таких как «Чевенгур», «Котлован». В данной работе мы рассматриваем представление А.П. Платонова о целях и задачах литературы, о языке писателя, нашедшее отражение и в прозе и в записных книжках. Одним из главных утверждений писателя, на наш взгляд, является следующее: «Взятое из людей и народа я возвращаю им же, обкатав и обмакнув все это в себя самого. (...) Надо писать отныне не словами, выдумывая и копируя живой язык, а прямо кусками самого живого языка («украденного» в тетрадь), монтируя эти куски в произведение». [*Платонов А. Фабрика литературы: Литературная критика, публицистика. М., 2011. С.51*]

Мысль о войне, об античеловеческой сущности фашизма, о погибших в сражениях как о «несбывшейся жизни», о несовершенном творчестве, любви, работе Платонов выделит в записных книжках пометой – «Оч(ень) важно»: «Смерть, Кладбище убитых на войне. И встает к жизни то, что должно быть, но не свершено: творчество, работа, подвиги, любовь, вся картина жизни несбывшейся, и что было бы, если бы она сбылась. Изображается то, что, в сущности, убито – не одни тела. Великая картина жизни и погибших душ и возможностей». (9. *Платонов А.П. Записные книжки. Материалы к биографии/ публикация М. А. Платоновой*). – М., 2006. С.231).

Своим дневникам Платонов доверяет самое «сокровенное» – размышления о революции, о творческой позиции, об отношениях в семье, о детях, брате и сестре, о персонажах своих книг, как бы проверяя их жизненность, иногда с присущим ему юмором, с меткими замечаниями, почерпнутыми из народного языка, с философскими максимами, например: «Сч<астливая > Москва. Чрезвычайно. И счастливую железную душу надо разоблачить, – и в ничтожестве есть душа, – мертвых нет нигде»; «Композиция Москвы – то счастливая душа, то несчастная, то яркая, то печальная, но везде, в каждом человеке есть греющий очажок, иначе он, чел<овек >, не прожил бы и минуты»; «Д<ля> Москвы и каждый день для того и повторяется, чтобы люди вспоминали забытое, необходимое, а люди думают, что это лишь время идет»(3.*Платонов А.П. Записные книжки, с..231*); «Если бы мой брат Митя или Надя – через 21 год после своей смерти вышли из могилы подростками, как они умерли, и посмотрели на меня, что со мной случилось? – Я стал уродом, изувеченным и внешне, и

внутренне. – Андрюша, разве это ты? – Это я: я [прошел] прожил жизнь» (1942) [3. А.П. Платонов. Записные книжки, с. 229]; «*Очень важно!!!* Все искусство заключено в том, чтобы выйти за пределы собственной головы, наполненной жалким, жидким, усталым веществом. Субъективная жизнь – в объекте, в другом человеке. В этом вся тайна»; «Мысль, не парная с чувством, ложь и бесчестие»; «*Всякая мысль, всякое интеллектуальное движение без своего эквивалента и отображения в чувстве, усиливающего мысль в квадрате, есть ложь и нечестность*». [1. Записные книжки *Записи разных лет Платонов А.П.* Записные книжки. Материалы к биографии / публикация М.А. Платоновой. М, 2006. С. 259].

В дневниках и прозе Л.Н. Толстого и А. Платонова выявляются сходные своей гуманистической значимостью, любовью к человеку мысли о человеческой памяти, о милосердии и сострадании, о войне, о революции, о детях, о семье, о назначении искусства, о самосовершенствовании.

Записи в дневнике Л. Толстого в год революции 1905 г. передают возросший интерес писателя к русским революционерам и восторг от чтения книги Александра Герцена «С того берега» о французской революции: «Следовало написать о нем, чтобы люди нашего времени понимали его». [Юб. Т.55, с. 164].

Отразится в записях Л.Н.Толстого и боль писателя за «*нашу интеллигенцию*», отгородившуюся от забот и тревог народа. Он уже ожидает своих читателей впереди, И далеко над головами теперешней толпы передает свои мысли тем, которые будут в состоянии понять их» (Юб. Т.55. С. 165) Революция оценивается писателем как «*страсть к разрушению*», а «*один из главных ее мотивов*» – как игра в бунт, «чувство, <которое > заставляет детей ломать свои игрушки, страсть к разрушению» (Юб. Т. 55. С. 175).

Отповедь, данная Толстым революционерам в статье «Правительство, революционеры и народ» показалась чересчур резкой В.Г. Черткову. Сошлемся на воспоминания дочери Толстого Александры Львовны: «Отец послал Черткову свою брошюру «Правительство, революционеры и народ» для напечатания в Англии, но Чертков задержал ее, прося отца смягчить резкие суждения о революционерах». [Толстая А.Л. Отец. Жизнь Льва Толстого. СПб. 1907. С. 257]. В 1907 г. статья вышла отдельной брошюрой (с сокращениями) в издательстве «Свободное слово» в Санкт-Петербурге.

События 1905 г. заставляют Льва Толстого еще глубже задуматься над экзистенциальными вопросами бытия человека, его рождения и смерти, двойственности человеческой природы и утвердиться в мысли о необходимости самосовершенствования человека. Он поправляет корректуру «Круга чтения», размышляет над фигурой императора Александра I, перечитывая книгу Павла Александровича Строганова, изданную в 1903 г. в Санкт-Петербурге, об участнике Великой Французской революции Жильбере Ромме и об эпохе Александра I. Читает *Канта* и высказывает в дневнике одобрение нравственному императиве философа: «Очень хорошо». (9 сентября 1905 г.). Вот дневниковая запись, сделанная в ночь с 1905 на 1906г.: «Жизнь есть зарождение нового сознания. <...> Еще ясно пришла мысль о том, что жизнь есть прохождение духовной сущности человека через

отделенную расширенную форму. <...> Помоги, Господи, исполнять Твою волю. Не для того, чтобы что-то сделать, а только для того, чтобы делать, что должно». (Юб. Т. 55. С. 172, 178). В основу творчества Л.Толстой, как и А.Платонов ставит философскую этику Иммануила Канта. [Иммануил Кант (1724 –1804). В критический период творчества ставит и стремится разрешить задачу познавательных способностей человека. Основным законом этики Кант провозгласил категорический императив, т.е. внутреннее повеление»]: «Поступай так, чтобы человечество и в твоём лице и в лице всякого другого всегда рассматривалось тобой как цель, но никогда только лишь как средство» С.131, 132// Краткий философский словарь. Под редакцией доктора философских наук Алексева А.П.. – М. : «Проспект», 1997. – 400 с.; С 131-132]

[6. Иммануил Кант (1724 –1804). В критический период творчества ставит и стремится разрешить задачу познавательных способностей человека. Основным законом этики Кант провозгласил категорический императив, т.е. внутреннее повеление»]: «Поступай так, чтобы человечество и в твоём лице и в лице всякого другого всегда рассматривалось тобой как цель, но никогда только лишь как средство» С.131, 132// Краткий философский словарь. Под редакцией доктора философских наук Алексева А.П.. – М.: «Проспект», 1997. – 400 с.; С 131-132]

В эпистолярном наследии, в дневниках, в прозе Толстой выражает надежду на то, что «... русский народ... разрешит у себя земельный вопрос упразднением земельной собственности и укажет другим народам путь разумной, и счастливой жизни. (Юб. Т. 36, с. 230). Насилие, жестокость, эгоизм, отсутствие милосердия, по Толстому, преграждает людям путь к свободе, разумной жизни.

Мысли об осуществлении «идеи жизни», «выхода к счастью», размышления об «отчем наследстве», которым «предки» «зарядили народ», тревожат Платонова на всем протяжении жизненного, творческого пути. Что отразилось как в его дневниках, так и в прозе. «Но все тайна – что у нас народ хороший, его хорошо «зарядили» предки. Мы живем отчим наследством, не проживем же его». [3. А.П. Платонов А.П. Записные книжки, с 271 (выделено нами- В.С).

В романе «Чевенгур» Платонов вводит в повествование метафорический образ «зрелого опыта в деснице», высказав свое предостережение: «Люди, – учил Арсаков, очень рано почали действовать, мало поняв. Следует, елико возможно, держать свои действия в ущербе, дабы давать волю созерцательной половине души. Созерцание – это самообучение из чуждых происшествий. Пускай же как можно длительнее учатся люди обстоятельствам природы, чтобы начать свои действия поздно, но безошибочно, прочно и с оружием зрелого опыта в деснице. Надобно памятовать, что все грехи общежития растут от вмешательства в него юных разумом мужей». [16. Платонов А.П. Чевенгур. // А.П. Платонов А.П. Чевенгур. Котлован. Рассказы / А.П.Платонов; предисл. В.Курбатов. – М. : Эксмо, 2008. – 752с. – С.151(Библиотека Всемирной Литературы)] ISBN 978-5-699-210077

О «наследстве отцов», об опыте «предков» размышляет Платонов в дневниках:

«Революция была задумана в мечтах и осуществлена (первое время) для исполнения самых никогда не сбывшихся вещей» [1. Платонов А.П. Записные книжки, с. 171].

Герой повести А.П. Платонова «Сокровенный человек» (1928) Фома Пухов, в авторской характеристике «не верящий в организацию мысли», принимает непосредственное участие в сражениях в годы Гражданской войны, как и герои Л.Н. Толстого в сражениях на Кавказе и в Крыму. «Пространством и временем полный», платоновский «сокровенный человек», размышляя над пережитым и увиденным, придет к осознанию ценности жизни, реальности ее исчезновения, ее хрупкости, реальности ее самоликвидации: «Пухов воображал убитых – красных и белых, которые сейчас перерабатываются в удобрительную тучность. Он находил необходимым научное воскрешение мертвых, дабы ничто напрасно не пропало и осуществилась кровная справедливость» [Платонов А.П. Сокровенный человек. Повесть // Платонов А. Взыскание погибших. Повести. Рассказы. Пьеса. Статьи- М., 1995. С. 137]. Побывает Пухов и в Крыму на десантном судне. При подготовке десантных судов к штурму Перекопа, Пухов разделяет готовность красноармейцев пожертвовать свою жизнь на благо революции: «Оказалось, что на свете жил хороший народ и лучшие люди не жалели себя <... > Он радовался этой таинственной ночной картине – как люди молча и тайком собирались на гибель» [Платонов А.П. Сокровенный человек. Повесть // А.П. Платонов А.П. Взыскание погибших. Повести. Рассказы. Пьеса. Статьи- М., 1995. С. 120, 124].

В финале повести «Сокровенный человек» происходит раздвижение рамок сознания героя и он думает о «кровной справедливости», «состроится внутренне» [А.П.Платонов Сокровенный человек. Повесть // Платонов А. Взыскание погибших. Повести. Рассказы. Пьеса. Статьи- М., 1995. С. 137.] Дав своему герою библейское имя Фома (Ин 20:24-30), Платонов наделяет его таким драгоценным свойством характера, как умение сомневаться, видеть, размышлять, чтобы «уверовать» как библейский апостол. «Нигде человеку конца не найдешь и масштабной карты души его составить нельзя. В каждом человеке есть обольщение его собственной жизнью, и поэтому каждый день для него сотворение мира. Этим люди и держатся <... Война нам убыточна – пора ее кончать!» [Платонов а. П Сокровенный человек. С.136, 142]

Осуждение войны, ставшее итогом непосредственного участия Толстого в Кавказских сражениях, в Крыму, выразилось в рассказах «Набег» (1953), «Рубка леса» (1855), «Севастополь в мае», «Севастополь в декабре месяце», в повести «Хаджи-Мурат» (1896-1904).

Воссоздавая по документальным материалам жизненный и творческий путь Л.Н. Толстого, писатель и журналист П.В. Басинский особо выделяет армейский период жизни писателя на Кавказе, в Румынии и Крыму с 1851 по 1855 гг. Автор книги «Лев Толстой. Бегство из рая» напоминает читателям Толстого, что на Кавказе «молодой Толстой и состоялся как писатель, реализуя в литературе то, чего недоставало в жизни. Ранний сирота написал самое поэтичное в русской литературе произведение о детстве». Пишет он об ошеломляющем воздействии военной прозы Толстого: «Отнюдь не поклонник войны воспел героизм русских солдат в осажденном Севастополе, да так, что над «Севастополем в декабре» плакали императрица, строгий литературный ценитель Иван Тургенев и юный цесаревич

(будущий Александр III), а молодой царь Александр II распорядился перевести рассказ на французский язык и даже, по слухам, направил в Крым фельдъегеря, чтобы талантливого офицера-писателя откомандировали в безопасное место». [4.Басинский П.В. Лев Толстой. Бегство из рая. – М., 2017 С. 106, 109]

«Во всяком случае, я никогда не буду раскаиваться, что приехал на Кавказ, - эта внезапно пришедшая в голову фантазия принесет мне пользу», — напишет Толстой в письме с Кавказа (Юб. Т.59, с.119). Толстой на Кавказе начинает работать над самой замечательной своей повестью «Детство», затем над повестью «Отрочество», которые посылает в «Современник» Н.А.Некрасову, где они и будут опубликованы. В письме от 28 декабря 1851 г. Л.Н. Толстой сообщит Т.А. Ергольской о своем официальном зачислении на военную службу: «...я больше не коллежский регистратор, а ферверкер 4-го класса» [21Басинский П.В., с.141].

Гневным осуждением войны проникнут авторский голос в рассказе Л.Н. Толстого «Набег. Рассказ волонтера» (1853): «Неужели тесно жить людям на этом прекрасном свете, под этим неизмеримым звездным небом? Неужели может среди этой обаятельной природы удержаться в душе человека чувство злобы, мщения или страсти истребления себе подобных? Все недоброе в сердце человека должно бы, кажется исчезнуть в прикосновении с природой – этим непосредственным выражением красоты и добра». [18. Толстой, Л.Н. Набег. Рассказ волонтера// Толстой Л.Н. Собрание сочинений. В 22-х томах. Т. 2. Повести и рассказы 1852-1856. Коммент. Н.И. Бурнашевой. М., «Худож. лит.», 1979. с. 21].

Рассказ написан двадцатидвухлетним Толстым на Кавказе, в самом начале его творческого пути, когда после «Детства» (1852) он работает над повестью «Отрочество» (1854). В обоих произведениях конфликт построен на разладе внутреннего мира героя с окружающим миром. В «Набеге» война предстает в ее жестокой реальности: в выстрелах, в звоне с шипящих штыков, в неприятном шипении неприятельских ядер, «ударяющихся во что-то», в столах раненых, криках – и порицается как явление бесчеловечное, неестественное, порожденное «гадкими людьми». И все описываемые кошмары перемежаются картинами красивой природы, величественных снежных гор, розовых лучей солнца, ясного прозрачного горизонта – носителей спокойствия и мира. *Природа у Толстого «дышит примирительной красотой и силой», вызывает неприятие войны.*

Повествование в рассказе ведется от лица волонтера, и через речевую характеристику, даваемую им персонажам, мы узнаем и об индивидуальных чертах характера каждого, и об эпохе, и о местности, по которой батальон капитана Хлопова добирается до татарского аула, и о грабеже, и, через экскурс в прошлое, о матери капитана Марье Ивановне, восемнадцать лет не видевшей сына, теперь седого и пожилого, а для нее – *Пашеньки*, которому она передаст ладанку, образок Божьей матери, в надежде, что та уберет сына от смерти. Потрясающее впечатление производит неожиданное смертельное ранение молодого прапорщика Аланина, только что кричащего детским голосом: «– Не трогайте, не бейте его!», принявшего бляние козленка за плач ребенка, беспрестанно улыбающегося, рвущегося в бой, броситься *на ура*». [Толстой, Л.Н. Набег. Рассказ волонтера// Толстой Л.Н. Собрание

сочинений. В 22-х томах. Т. 2. Повести и рассказы 1852-1856. Комментарий. Н.И. Бурнашевой. М., «Худож. лит.», 1979. с. 10,28, 30].

В рассказе Толстой акцентирует внимание читателя на том, что несмотря на все ужасы войны в человеке остается место человечности.

Рассказ «Рубка леса. *Рассказ юнкера*» (1855) входит в Кавказский цикл, как и «Хаджи-Мурат», «Казачьи», и свидетельствует о совершенствовании художественного мастерства, стойкости нравственной позиции писателя и силе духа русского человека. Запоминается он краткими, емкими психологическими портретами персонажей, таких как Болхов, Жданов, Антонов, Кирсанов, художественно убедительно разработанными в традициях И.С. Тургенева, как это отмечалось Н.А. Некрасовым, в чем «Современнике и был напечатан рассказ. Запоминается рассказ пронизывающей авторское повествование болью за судьбу русского солдата, артиллериста Веленчука, мастерового человека, уже шестнадцать лет несшего службу вдали от родных и близких, оставшегося честным и порядочным, принявшим смерть о время опасной «рубки леса» под ружейным огнем неприятеля. «Веленчук не выходил у меня из головы. Вся простая история его солдатской жизни неотвязчиво представлялась моему воображению. Последние минуты его были так же ясны и спокойны, как и вся жизнь его. Он слишком жил честно и просто, чтобы простодушная вера его в ту будущую, небесную жизнь могла поколебаться в решительную минуту». [Толстой, Л.Н. Набег. Рассказ волонтера// Толстой Л.Н. Собрание сочинений. В 22-х томах. Т. 2. Повести и рассказы 1852-1856. Комментарий. Н.И. Бурнашевой. М., «Худож. лит.», 1979. с. 73] – с такими горькими словами прощается рассказчик с погибшим во время Кавказкой кампании солдатом, оставляя в читателе добрую память о русском человеке.

Авторское отношение к «делу» после начавшегося отступления «рубщиков леса» заключено в следующих строчках: «Зато вырубил леса версты на три и очистил место так, что его узнать нельзя было: вместо прежне видневшейся сплошной опушки леса открывалась огромная поляна, покрытая дымом и двигавшимся к лагерю кавалерией, и пехотой!». [Толстой, Л.Н. Набег. Рассказ волонтера// Толстой Л.Н. Собрание сочинений. В 22-х томах. Т. 2. Повести и рассказы 1852-1856. Комментарий. Н.И. Бурнашевой. М., «Худож. лит.», 1979. с. 72]

Особо хочется отметить внимание, которое Толстой уделяет вопросам детства, воспитанию в семье: «как жить и как воспитывать детей» (Юб. Т.55, с.164). Вопрос о ребенке для него звучит как «вся серьезность жизни» (Там же, с.163). Фиксирует он в дневниках, как проходит беременность дочерей. С болью запишет он 19 сентября 1905 г., что «Маша опять потеряла начавшегося ребенка. Таня еще держится. Очень жаль их.» (Там же, с. 161). И 22 ноября отметит как «великое событие появление новой жизни, рождение Т.Н. Сухотиной дочери: «Очень хорошо. Великое событие – Таня родила. Приехала Маша с мужем» (Там же, с.170). Особо хочется выделить тему детства, жизни ребенка в единстве с миром взрослых в произведениях, написанных Толстым во время участия в военных действиях на Кавказе, куда он поехал в 1851г. вместе с братом Николаем. В письме Т.А. Ергольской из Тифлиса от 12 ноября 1851 он благодарит «дорогую тетеньку» за свои

«литературные занятия», которые она ему советовала: «Я так давно и упорно (ими занят, что бросать не хочу» (Юб. Т.59, с. 119).

Теме детства, семьи, подобно Л.Н. Толстому, уделяет много внимания А.П. Платонов. «Ребенок долго учится жить, – пишет Платонов в «Записных книжках». – Он учится самоучкой, но ему помогают старшие люди, которые уже приучились жить. Наблюдать за развитием самосознания в ребенке и осведомленностью его в окружающей действительности составляет для нас радость.» [1. А.П.Платонов Записные книжки, с. 267] «Дети (маленькие) одинаково «привычны» – жить и не жить; в этом есть их главн(ая) прелесть: в незащитности, в незаинтересованности. Описание такого душевного состояния и есть вся л(итерату)ра о детях» [1. А.П. Платонов. Записные книжки, с.278].

Платонов развивает концепцию активизации духовной жизни взрослого ребенком, разрабатывавшуюся его предшественниками – С.Т. Аксаковым, Ф.М. Достоевским, проводит идею «восстановления человека», воплощенную в рассказе Толстого «Сила детства» (1908г.). Рассказ Толстого представляет собой художественно переработанное изложение стихотворение Виктора Гюго «La guerre civile» («Гражданская война») [Бойко Н.М. Комментарии// Толстой Л.Н. Собр. соч.: в 22т. М. 1983. Т. 14. С 503]. В нем сконцентрировано толстовское понимание темы детства, восприятие ребенка как силы, объединяющей людей во имя добра и справедливости. Сюжет рассказа «Сила детства прост и разворачивается на 2-3 страницах. Разъяренная толпа ведет на казнь «связанного человека», который, в авторском повествовании, «в войне народа против власти воюет на стороне власти». Мужские и женские выкрики перемежаются внутренним монологом человека, на красивом лице которого застыло выражение презрения к окружающим людям. «Не всегда сила на нашей стороне. Что же делать? Теперь их власть. Умереть так умереть, видно так надо». [Юб. Т.42, с. 31]. Мальчик, сын пленного мужчины, протискивается в толпу, и притягивает к себе внимание, беседует с женщиной. Выясняется, что у ребенка нет матери, а пленный отец советует ему подождать его возвращения у соседки. Отец мальчика вступает в диалог с вожаком толпы, склоняя его убедить сына, что это игра. «Безжалостные, ненавидящие люди», за минуту жестокие» вдруг меняются: Голос из толпы: «– А знаете, что. Пустить бы его. – Отпустить, отпустить! – загремела толпа». Финал рассказа покоряет силой чувства и веры в доброе начало человека, сумевшего одолеть зло и жестокость. «И гордый, безжалостный человек, за минуту ненавидевший толпу, зарыдал, закрыл лицо руками и, как виноватый, выбежал из толпы, никто не остановил его» (Там же, с.33).

Поэтические идеи Платонова о силе детской слабости, «связывающей людей в единое родство», спрессованы в рассказе «Маленький солдат» (впервые в сокращенном виде в Красной звезде», 1943). Герой рассказа десятилетний мальчик Сергей Лабков «был сыном полковника и военного врача. Отец и мать служили в одном полку, поэтому и своего единственного сына они взяли к себе, чтобы он жил при них и рос в армии». [А.Платонов А.П. Маленький солдат. Рассказ // Платонов А. П. Собр. Соч.: В 3.т. М., 1985. Т. 3. С.92]. Услышав разговор отца с офицером о складе с боезапасом, оставленном у немцев при выходе из окружения, смысленный мальчик тайком пробирается в тыл противника и по возвращении указывает отцу засечками на карте место склада с боезапасом. «Потом полковник выбил

оттуда немцев и весь склад перешел в его владение». [Маленький солдат Платонов А.С. 93]. Мальчика не удастся отправить в тыл: он постоянно сбегает, но потом случается горе: отец погибает, и через месяц после ранения умирает мать. Мальчик остается сиротой. «Командование полком принял майор Савельев, он взял к себе мальчика и стал ему вместо отца и матери, вместо родных, всем человеком. Мальчик ответил Володе Савельеву тоже всем сердцем». [С.94] Слабость ребенка объединяет взрослых – майора Савельева и майора Бахичева. У истоков всечеловеческого братства в платоновской концепции детства находится беспомощный ребенок, в «слабости» ребенка заключена его «сила», пробуждающая совесть, органически присущая человеку.

У истоков всечеловеческого братства в творчестве Платонова, как и творчестве Льва Толстого, находится беспомощный ребенок, детская слабость неизбежно пробуждает человеческое в человеке. Сердцем осознает герой рассказа «По небу полуночи» (1939) лейтенант германского военно-воздушного флота Эрих Зуммер предназначение человека – избавить людей от «завоевателей мира», которые хотят «покрыть всю разноцветную и голубую землю» «коричневой глиной могил».

Исследование «человечности» в человеке достигает в рассказе особенной остроты. К себе Платонов подходит с той же мерой взискательности, с которой он подходит к творчеству писателей в своих критических статьях. В статье «Навстречу людям» (1939) (по поводу романов Эрнеста Хемингуэя «Прощай, оружие!» и «Иметь и не уметь!»), аргументированно и психологически детально анализируя образ Гарри Моргана, тему любви Гарри и Кэтрин, Платонов пишет: « Мы вправе ожидать от каждого писателя, чтобы им был изображен человек, который был бы способен подавить человечностью бесчеловечность <...> Хорошо и красиво писать – это еще не все, нужно еще писать истинно, то есть открывать для людей реальную возможность более реальной жизни. Вывод Платонова о романе, данный в финале: «Истинный выход из положения там, где сейчас находится Эрнест Хемингуэй, – на фронте республиканской Испании. Там же, вероятно, Хемингуэй найдет более глубокое решение своей темы о том, как следует прожить человеку свой век на земле, – чем-то решение, которое дано в романе «Прощай оружие» [Платонов А.П. Навстречу людям // Платонов А. П. Собр. соч.: в 3-х т. М., 1985. Т. 2. С.432, 439, 441(курсив наш – В.С.).

Мы не можем оставить без внимания оптимистический настрой предсмертного признания героя Хемингуэя, так как, по справедливому замечанию А.Платонова: «<... > мы занимаемся не биографией Хэмингуэя, а его литературными произведениями, и больше ничего». [Платонов А.П. Навстречу людям // Платонов А. П. Собр. соч.: В 3-х т. М., 1985. Т. 2. С.432].

Как завет героя Гарри Моргана критик А.Платонов акцентирует внимание читателя романа на слова героя, сказанные им перед смертью: «Человек, – сказал Гарри Морган, – человек один не может. Нельзя теперь, чтобы человек один. – Он остановился. – Что бы то ни было, человек один не может ни черта. – Он закрыл глаза. Потребовалось немало времени, чтобы он выговорил это, и потребовалась вся его жизнь, чтобы он понял это» [Платонов А.П. Рецензии Навстречу людям // Платонов А. П. Собр. соч.: В 3-х т. М., 1985. Т. 2. С.432]. (выделено нами –В.С.).

В рассказе «По небу полуночи» А.Платонов силой своего творческого предвидения проник в страшную сущность фашизма и предсказал ему бесславную гибель. Надежды человека над одолением античеловеческой сущности фашизма связаны с образом родной земли, с образом ребенка, побуждающего взрослых *«подняться над самими собой и обрести в себе священную сущность»*. Писатель показывает, что война, развязанная фашистами, не только ведет к дегуманизации человека, она лишает детей жизни, разума, человека – будущего. Герой рассказа Эрих Зуммер – талантливый конструктор, механик, летчик, занимающийся в немецкой армии техническим творчеством, улучшением аэропланов, совершит свой беспощадный суд над фашизмом. Через внутренний монолог героя показано расширение его сознания, постижение им *нравственного императива* Канта. [13.Платонов А.П. По небу полуночи. Рассказ // Платонов А. П. Собр. соч.: В 3-х т. Т.2. : Повесть, рассказы. 1934-1941; Размышления читателя. Статьи / Сост. и примеч. В.А.Чалмаева, Худож. М.З. Шлосберг – М. М., Советская Россия, 1985. – 528 с. ; С. 247-265. Т. 2. С.255].(курсив наш – В.С.). [29. Иммануил Кант (1724 –1804). В критический период творчества ставит и стремится разрешить задачу познавательных способностей человека. Основным законом этики Кант провозгласил категорический императив, т.е. внутреннее повеление»]: «Поступай так, чтобы человечество и в твоём лице и в лице всякого другого всегда рассматривалось тобой как цель, но никогда только лишь как средство» С.131, 132// Краткий философский словарь. Под редакцией доктора философских наук Алексева А.П.. – М. : «Проспект», 1997. – 400 с.; С 131-132] «...ни хорошие, ни плохие моторы сами по себе не помогают правильно существовать человеку, *если в человеке нет священной сущности или эта сущность убита или искалечена.* <...> *эта сущность – наша душа – и <... > без нее общая жизнь человечества не состоится, и это подтверждается тем, что мы страдаем*». [13.Платонов А.П. По небу полуночи. Рассказ. С.255] (курсив наш – В.С.). Во время боевого вылета в республиканскую Испанию Зуммер расстреляет своего напарника, яркого фашиста, человеконенавистника Кенига, так как фашисты, подобные Кенигу, *«хотят покрыть всю землю «коричневой глиной могил»*. Подтверждением гуманности поступка Эриха Зуммера станет его боль, страдание, попытка спасти в разрушенном испанском доме во время бомбежки мальчика, потерявшего рассудок. Эрих осознает, что *«безумие мальчика было печальнее смерти: оно обрекало его на невозвратное, безвыходное одиночество»*. [13.Платонов А.П. По небу полуночи. С.263]. (курсив наш – В.С.). Платоновский герой осознает: «...современный мир войны и фашизма редко будет дарить детям что-либо другое, кроме смерти и безумия. <... > Нет, я не оставлю его жить одного. <... > Я буду терпеть все и жить, чтобы он не умер. ... Я буду работать и драться, я не устану и не погибну». [13.Платонов А.П. По небу полуночи. С.263] (курсив наш – В.С.). Подобно лермонтовскому ангелу герой рассказа, взмывает ввысь на своем самолете, неся в объятьях *«душу младую»*, но не *«для мира печали и слез»*, а в мир надежды. *«Эрих выбрал ручку управления, оторвал машину и ушел в высоту – искать вместе с мальчиком, сидящим за его спиной, республиканскую землю и мать этого ребенка или тех людей, которые заменят ему родителей и возвратят в его душу утраченный разум»* [13.Платонов А.П. По небу полуночи. С.264] (курсив наш – В.С.).

«Поэтическая реминисценция «По небу полуночи» – строки из стихотворения

М.Ю.Лермогтова «Ангел» – углубляют и расширяют философский смысл рассказа: идеи всечеловеческого единения» (фраза Ф. М. Достоевского), преодоления вражды для сохранения жизни и счастья детей, продолжателей рода человеческого, идеи трагического посрамления обезумевших взрослых, которые не могут выполнить своего предназначения на земле – «жить впереди детей» (фраза А. Платонова).] (курсив наш –В.С.).

Важную роль в рассказе играют говорящие фамилии – Кенинг (в переводе с немецкого – король), символизирует развенчание античеловеческой сущности фашизма; Зуммер (в переводе – сигнал, звонок) – напоминание, предостережение писателя-гуманиста, что надо осознавать, прислушиваться, вникать в то, что происходит в мире, *самому «отвечать «за добро и за зло»* (фраза А.Платонова из рассказа «Афродита».

Выводы. Л.Н.Толстого и А.П.Платонова объединяет нравственная цельность мироощущений, верность своему взгляду в литературе, творческим принципам. Характерная черта творческого почерка писателей – бескомпромиссность в искусстве Произведения Л.Н.Толстого и А.П.Платонова проникнуты мыслью о планетарной общности людей, мыслью о «человечестве-организме»; у истоков «человечества-организма» в художественном мире писателей находится беспомощный ребенок, пробуждающий совесть, органически присущую человеку. *Л.Толстой*; «Ничто так не подвигает к добру, как сознание того, что тебя любят. Оно подвигает и тем, что радостно быть любимым, и делаешь то, что вызывает любовь, подвигает и прямо, непосредственно тем умилением, которое возбуждает любовь, возбуждаемая и испытываемая» («Дневники»; Юб. Т.55, с.155). *А.Платонов*: «Пока я люблю и могу любить, не может быть, чтоб плохо было на свете, да и не будет плохо» («Записные книжки»).

References:

1. Andrey Platonov. Oduhotvoryennye lyudi. [Rasskaz o nebolshom srazhenii pod Sevastopolem] Sobr. Soch.: v 3-ch t., T. 3. Rasskazy 1941 – 1951; Dramaticheskiye proizvedeniya; Volshebnoye koltso; Skazki; Iz rannikh sochinenii; Iz pisem I zapisnykh knizhek / Sost. I primech. V.A.Chalmaeva. – М. Sov.Possia., 1985. – 576 s.; SS. 7-37]
2. Andrey Platonov. «... ya prozhil zhizn»: Pisma (1920-1950). / Andrey Platonov: sost. vstup. statya, kom. N.Kornienko I dr. – 2-ye izd., ispr. I dop. – Moskva: Redaktsiya Eleny Shubinoy, 2019, – (Naslediye Andrey Platonova) – 718 s. –S.520, ISBN 978-5-17-116773-8
3. A.P.Platonov. Zapisnye knizhki. Materialy k biografii / publikatsia M.A.Platonovoi. Sostavleniye, podgotovka teksta, predisloviye I primechania N.V.Kornienko/ 2-ye izdaniye. – М.: IMLI RAN, 2006 – 424s. ISBN 5-9208-0002-X
4. Basinskiy P.V. Lev Tolstoy. [Begstvo iz raya. – М., 2017 – S. 106,109]
5. Bryusov V. Sredi knig // Pechat I revolyutsiya, 1926, №6 (oktyabr-noyabr)
6. Kratkiy filosofskiy slovar. Pod redaktsiye doktora filosofskikh nauk Alekseeva A.P. – М.: «Prospekt», 1997 – 400s.
7. L.N.Tolstoy. Sobr.soch. v 22-ch tt. T.17. Publitsisticheskiye proizvedeniya 1886-1908. Pisma 1842-1881 / Komment. S.Rozanovoi. – М.: Khudozh. Lit., 1984. S. 396-397.
8. L.N.Tolstoy. Sobr.soch. v 22-ch tt. T.18. Publitsisticheskiye proizvedeniya 1886-1908. Pisma

- 1842-1881 / Komment. S.Rozanovoi. – M.: Khudozh. Lit., 1984. Ss. 515, 556, 562, 673
9. Natalya Kornienko. Andrey Platonov po ego pismam. // A.P.Platonov. Zapisnye knizhki. Materialy k biografii / publikatsia M.A.Platonovoi. Sostavleniye, podgotovka teksta, predisloviye I primechaniya N.V.Kornienko/ 2-ye izdaniye. – M.: IMLI RAN, 2006 – 424s. (S. 3-75), ISBN 5-9208-0002-X
  10. N.V.Kornienko. Predisloviye // A.P.Platonov. Zapisnye knizhki. Materialy k biografii. M., 2006 (S.3-14)
  11. Platonov A.P. Izbrannyye proizvedeniya. V 2-ch tt. T.3. Rasskazy (1934-1950) Sost. M.A.Platonova. Tekstolog M.N.Sotskova. M.: Khudozh. Lit., 1978. 398s.
  12. Platonov A.P. Po nebu polunochi. Rasskaz // Platonov A.P. Sobr. soch. V 3-ch t., T. 2: Povest, rasskazy. 1934-1941; Razmyshleniya chitatelya. Statyi /Sost. I primech. V.A.Chalmaeva. M., Sovetskaya Rossia, 1985. – 528 s.
  13. Platonov A.P. Retsenzia. Navstrechu lyudyam (Po povodu Romanov Ernesta Khemingueya «Proshchay oruzhie» I «Imet I ne imet») // Platonov A.P. Sobr. soch. V 3-ch t., M., 1985. T. 2, S.432
  14. Platonov A.P. Razmyshleniya chitatelya. Statyi // Platonov A.P. Sobr. soch. V 3-ch t. /Sost. I primech. V.A.Chalmaeva. M., Sovetskaya Rossia, 1985. – 528 s.
  15. Platonov A.P. Thevengur. Kotlovan. Rasskazy / A.P.Platonov predisl. V.Kurbatov –M.: Eksmo, 2008, – 752s., S.151 (Biblioteka vseмирnoy literatury), ISBN 978-5-699-210077
  16. Serafimova V.D. Osmysleniye tvorcheskoy sudby A.P.Platonova v vospominaniyakh zhurnalistov, voennykh korrespondentov Krasnoy Zvezdy, pisateley (s 30-gg po nastoyashchee vrenya) // Tekst v khudozhestvennoy literature, publitsistike I zhurnalistike: Materialy XIX Sheshurjvskikh chteniy /Pod red. L.A.Trubinoy. –Moskva: MPGU, 2014. – 372s., S.333-345. ISBN 978-5-4263-0181-8
  17. L.N.Tolstoy. Nabeg. // Tolstoy L.N. Sobr.soch. v 22-ch tt. T.2. Povesti I rasskazy 1852 - 1856 / Komment. L.N.Burnashevoy – M.: «Khudozh. Lit.», 1979. 422s., Ss. 7-32.
  18. Tolstoy L.N. Sevastopol v avguste 1855 goda (27 dekabrya. Peterburg) // L.N.Tolstoy. Sobr.soch. v 22-ch tt. T.2 Povesti I rasskazy 1852 - 1856 / Komment. L.N.Burnashevoy – M.: «Khudozh. Lit.», 1979. 422s., Ss. 146-207.

Information about the author:

Serafimova Vera Dmitrievna(Moscow, Russia) – PhD of Philology, Assistant Professor, Moscow Pedagogical State University. Professional interests: Traditions of Andrei Platonov in the philosophical and aesthetic searches of modern prose; Leo Tolstoy, Fyodor Dostoevsky, George Orwell, Andrey Platonov, Alexander Solzhenitsyn, Maximilian Voloshin, Boris Yekimov; Valentina Rasputina, L. Borodina: Bileyskie motives, images, plots in Russian literature. E-mail:serafimova@yandex.ru

Contribution of the author: the author contributed a lot to the research.